

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-965-974>

Шифр научной специальности 5.9.1

Религиозные мотивы в творчестве Б.Ш. Окуджавы

Владислав Игоревич Благодаров , Наталия Владимировна Сорокина

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

 blagodarov.vladislav@gmail.com

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Проанализированы религиозные мотивы в поэзии Б.Ш. Окуджавы как одного из основателей жанра авторской песни и выразителя нравственно-философского поиска человека второй половины XX века в условиях советского атеизма. Цель исследования – выявление специфики религиозного мироощущения в творчестве Б.Ш. Окуджавы. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования послужили песенные и поэтические произведения Б.Ш. Окуджавы, мемуары и интервью автора. Используются методы сравнительно-исторического анализа, герменевтики и культурно-исторического подхода. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** В результате выявлены многочисленные библейские аллюзии, мотивы молитвы, покаяния, загробной жизни и христианской любви. Прослежена эволюция духовного мировоззрения автора – от скептического отрицания религии к внутреннему стремлению к вере и прощению. Отмечено, что религиозная символика в поэзии Окуджавы выступает формой гуманистического самоопределения личности в условиях советской секулярной культуры. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Определена значимость религиозного дискурса как основы нравственно-философского содержания творчества Окуджавы и как художественного способа сохранения духовных ценностей в эпоху идеологического давления. Результаты исследования применимы в дальнейшем анализе отечественной литературы с религиозной стороны и в образовательной практике гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: Булат Окуджава, религиозные мотивы, библейские аллюзии, авторская песня, советская культура, духовные поиски, христианская символика

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: В.И. Благодаров – идея, набор первичного материала, поиск и анализ научной литературы, анализ художественных текстов, обработка и редактирование материала, написание черновика рукописи. Н.В. Сорокина – научное консультирование, редактирование рукописи, утверждение окончательного варианта рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Благодаров В.И., Сорокина Н.В. Религиозные мотивы в творчестве Б.Ш. Окуджавы // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 965-974. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-965-974>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-965-974>

OECD 6.02; ASJC 1208

Religious motives in the works of B.S. Okudzhava

Vladislav I. Blagodarov , Nataliya V. Sorokina

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

 blagodarov.vladislav@gmail.com

Abstract

INTRODUCTION. The study analyzes religious motives in the poetry of B.S. Okudzhava as one of the founders of the genre of author's song and an exponent of the moral and philosophical search of man in the second half of the 20th century in the context of Soviet atheism. The purpose of the study is to identify the specifics of religious worldview in the works of B.S. Okudzhava. **MATERIALS AND METHODS.** The research material includes songs and poetry by B.S. Okudzhava, memoirs and interviews by the author. The methods of comparative historical analysis, hermeneutics and cultural-historical approach are used. **RESULTS AND DISCUSSION.** As a result, numerous biblical allusions, motives of prayer, repentance, afterlife and Christian love were revealed. The evolution of the author's spiritual worldview is traced – from skeptical denial of religion to an inner desire for faith and forgiveness. It is noted that religious symbolism in Okudzhava's poetry is a form of humanistic self-determination of personality in the conditions of Soviet secular culture. **CONCLUSION.** The importance of religious discourse as the basis of the moral and philosophical content of Okudzhava's work and as an artistic way of preserving spiritual values in the era of ideological pressure is determined. The results of the study are applicable in the further analysis of Russian literature from the religious side and in the educational practice of the humanities.

Keywords: Bulat Okudzhava, religious motifs, biblical allusions, author's song, Soviet culture, spiritual quest, Christian symbols

Funding. This research received no external funding.

Authors' Contribution: V.I. Blagodarov – idea, a set of primary materials, scientific literature search and analysis, literary texts analysis, processing and editing of the material, writing – original draft preparation. N.V. Sorokina – supervision, manuscript editing, manuscript final version approval.

Conflict of Interests. The authors declare that there is no conflict of interests.

For citation: Blagodarov, V.I., & Sorokina, N.V. Religious motives in the works of B.S. Okudzhava. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(4):965-974. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-4-965-974>

ВВЕДЕНИЕ

Советская эпоха характеризовалась официальной атеистической идеологией и активной антирелигиозной политикой. По этой причине анализ религиозных мотивов в советской литературе, долгое время остававшийся в силу определённых обстоятельств запретной областью научных поисков, явля-

ется важной исследовательской задачей. В условиях преобладающего идеологического давления религиозные образы и мотивы, которые ещё не исчезли из коллективного сознания, продолжали существовать, находя выражение в художественном творчестве, в том числе в жанре авторской песни. Наиболее ярким примером этого явления является творчество Б.Ш. Окуджавы, основоположни-

ка жанра, чьи произведения стали неотъемлемой частью духовного опыта нескольких поколений.

Современные исследователи неоднократно обращались к анализу поэтики Окуджавы. И.Б. Ничипоров подчёркивает, что в творчестве барда жанровое богатство и духовная глубина образов превращают авторскую песню в форму морально-эстетического самопознания личности и гуманистического осмысления мира¹. С.С. Бойко приходит к выводу, что произведения Окуджавы занимают центральное место в гуманистической линии русской литературы второй половины XX века. Его поэзия, сочетающая личное и историческое, сыграла роль духовного моста между разными поколениями². Исследование Р.Ш. Абельской демонстрирует способность барда синтезировать различные культурные традиции и эстетические системы³. Работы А.В. Апанасенка [1], Д.А. и С.М. Цыплаковых [2], а также А.И. Тимиргазиевой [3] позволяют глубже понять социокультурный контекст, в котором формировалась поэзия Окуджавы, учитывая противоречие между официальным атеизмом и сохраняющейся религиозностью в советском обществе.

Тем не менее, несмотря на наличие значительного корпуса публикаций, вопрос о религиозных темах в творчестве Окуджавы остаётся в значительной степени неизученным. Исследователи уделяют больше внимания его автобиографическому мифу, роли иронии и романтизма в его поэтике, а также связи творчества с традициями русской литературы XIX и XX веков. Библейские же реминисценции, мотивы молитвы, христианского загробного мира и духовных поисков в его стихах и песнях рассматривались лишь фрагментарно.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе религиозных мотивов в поэтическом мире Б. Окуджавы, а также в осмыслении их значения в контексте советской культурной среды. В работе подчёркивается диалектический характер отношения поэта к религии: от отрицания и скепсиса к признанию духовной потребности и поиску моральных опор. Особое внимание уделяется ранее недостаточно изученным аспектам – библейским аллюзиям, скрытым религиозным подтекстам в сюжетах песен, а также динамике личного отношения автора к христианству, отражённой в его текстах.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили поэтические и песенные тексты Б.Ш. Окуджавы, включая опубликованные сборники стихов и записи выступлений автора, с привлечением мемуаров и интервью. Для реконструкции историко-культурного контекста были взяты вторичные данные из литературоведческих, культурологических и исторических научных работ. В ходе исследования использовались методы сравнительно-исторического литературоведения, что позволило выявить интертекстуальные связи с библейскими текстами и русской классической традицией. Также был использован метод герменевтического толкования с целью интерпретации религиозных мотивов в поэтическом дискурсе. Кроме того, были задействованы элементы культурно-исторического подхода, позволившие соотнести индивидуальное мировоззрение поэта с особенностями советской эпохи и процессами секуляризации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во времена Советского Союза какие-либо религиозные конфессии находились то в полулегальном, то нелегальном положении. Хотя атеизм и поддерживался на партийном уровне власти, деятельность подобных сообществ пытались если не запрещать, то регулировать. Как свидетельствует Постановление «О религиозных объединениях» Пре-

¹ Ничипоров И.Б. Авторская песня 1950–1970-х гг. в русской поэтической традиции: творческие индивидуальности, жанрово-стилевые поиски, литературные связи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2008.

² Бойко С.С. Творческая эволюция Булата Окуджавы и литературный процесс второй половины XX в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2011.

³ Абельская Р.Ш. Поэтика Булата Окуджавы: истоки творческой индивидуальности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

зидиума ВЦИК от 8 апреля 1929 г.⁴, гражданам воспрещалась любая активность, нацеленная на удовлетворение духовных потребностей верующих. Также важным направлением антирелигиозной деятельности было атеистическое воспитание через систему образования и пропаганду. Советская власть рассматривала религию как преграду на пути к созданию коммунистического общества.

В 1950–1970-е гг. в Советском Союзе также не утихала борьба с религиозностью граждан. Председатель Идеологической комиссии ЦК КПСС в 1964-м году заявил: «В любых видах, в любых формах религиозная идеология чужда нашему обществу. Наш долг – активно наступать на религиозную идеологию, вырабатывать у всех советских людей научное мировоззрение»⁵. В.А. Курилов отмечает, что для партийного руководства богоборчество виделось одним из ключевых положений в построении коммунизма [4, с. 149].

Борьба велась на всех уровнях, особенно активно – на студенческом. К примеру, в 1954 г. вышло постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения», предписывавшее вузам активнее бороться с религиозными настроениями среди студентов. Учреждениям рекомендовалось внедрять в учебные программы занятия антирелигиозного толка и создавать кружки по подобным интересам.

В такой социально-политической обстановке интерес к вероисповеданиям, в частности к христианству, предсказуемо падал. А.Д. Сухов констатирует, что «сокращение в то время религиозности объясняется давлением на религию, мерами административного характера, направленными против неё» [5, с. 50]. Однако полностью искоренить многовековую религиозность русских людей было нелегко. Стремление властей к распростра-

нению правил высокой социалистической морали не только не возымели успеха, но, по мнению А.И. Тимиргазиевой, напротив, привело молодёжь к нравственному кризису, проявлявшемуся в аморальном поведении учащихся высших школ [3, с. 125]. Несмотря на официальные статистические данные, информировавшие о ничтожно малом проценте верующих по стране, и заявления о победе атеизма, архивные документы говорят об обратном. Довольно много людей разных классов и возрастов если не веровали, то, как минимум, отмечали религиозные праздники. Как указывает А.В. Апанасенок, на невозможность тотального искоренения вероисповеданий влияли семейные традиции, интерес к духовной культуре и сомнения в атеистической картине мира [1, с. 156-157]. Даже те, кто внешне выражал поддержку навязываемому правительством мировоззрению, мог в то же время посещать церковные обряды, хранить дома иконы и молиться.

Советская секуляризация не уничтожила религию, но загнала её в подполье, констатируют Д.А. Цыплаков и С.М. Цыплагова [2, с. 80]. Кризис официальной идеологии с годами только усиливал потребность людей в поиске новых духовных форм. К 1970-м гг. религиозные группы стали более организованными. Они проводили тайные семинары, печатали самиздат, устанавливали межрегиональные связи. В кругах интеллигенции интересовались западной философией или русской религиозной мыслью.

Вопреки жёстким идеологическим ограничениям, советские граждане продолжали придерживаться своих религиозных традиций. Идеологический диктат продемонстрировал неспособность удовлетворить духовные потребности общества. Люди оказывали символическое сопротивление через искусство, например, прозу (В.М. Шукшин, В.Г. Распутин и др.) и поэзию, в том числе в песнях советских бардов.

Б.Ш. Окуджава, самый известный и успешный бард первой волны, начал писать «студенческие» песни ещё в середине 1940-х гг., когда учился в университете. Однако в то время жанр авторской песни не имел какой-либо художественной концепции

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1929 г. № 35-87. Отдел второй / Народ. Комиссариат Юстиции. Москва: Б. и., б. г. С. 353.

⁵ Ильичёв Л.Ф. Формирование научного мировоззрения и атеистическое воспитание // Коммунист. 1964. № 1. С. 23-24.

и общественной поддержки, потому он вернулся к сочинительству позже, только спустя десятилетие.

Окуджаву считается одним из основоположников жанра авторской песни наряду с М.Л. Анчаровым и Ю.И. Визбором. В связи с этим его поэтику стоит воспринимать как новаторскую. Исполнитель определял значение жанра так: «Авторская песня – это серьёзные раздумья о жизни человека, может быть, трагические, может быть, острые. Ведь авторская песня родилась как раз из этих трагических раздумий, из острых сюжетов, из клочкотания души»⁶. Из таких соображений он в наибольшей мере писал о войне («До свидания, мальчики», «Песенка о пехоте»), надежде («Я вновь повстречался с Надеждой...», «Надежда, белою рукою...»), справедливости («Песенка о дураках», «Ну что, генералиссимус прекрасный...»), Арбате («Песенка об Арбате», «Чаепитие на Арбате») и любви («Эта женщина! Увижу и не мею...», «Медсестра Мария»).

Он первым вводит в жанр принцип оксюморонности – сочетание несочетаемого. В композициях он сопоставляет возвышенные образы с обыденными деталями, например, добавляя ироничность в романсовую лирику, чего не было ранее в советской песенной традиции. Но использование автором иронии не разрушает романтический идеал, а, напротив, делает его более оживлённым и доступным. П. Лигеза также видит в иронии Окуджавы способ развития эстетической восприимчивости у его читателей [6]. Данный стилистический баланс актуализирует его поэзию для самых разных поколений:

За волной волна, и это значит:
минул век, и не забыть о том...
Женщина поёт. Мужчина плачет.
Чаша перевёрнута вверх дном⁷.

Для Окуджавы имеет первостепенное значение диалогичность – направленность

обращения к слушающему вживую его выступление. Он не представляет художественной работы без акта сотворчества между автором, творением и публикой: «Мне важно, чтобы те самые чувства, которые владеют мною, автором песни, в момент её исполнения завладели бы и слушателями»⁸. Потому он добавляет в композиции узнаваемые и в других людях автобиографические элементы, находящие отклик, и иронизирует над ними.

Автобиографический миф в целом играет ответственную роль в идиостиле поэта, к примеру, место его раннего детства – московский Арбат. З.А. Бутаева называет эту локацию центральным хронотопом в поэтике Окуджавы [7]. Этот урбаноним возникает во множестве его сочинений («Былое нельзя воротить», «Арбатский романс»). Он воспекает Арбат и как пространство детства, и как утраченный рай, и как символ творчества. Данный мифологизированный автобиографический факт показывает грань между реальным и идеальным, в которое каждый слушатель захотел бы попасть.

В текстах барда прослеживается много культурных истоков: советская массовая песня, бытовой романс, фольклор, русская поэзия XIX – начала XX века и др. Р.Ш. Абельская выделяет способность Окуджавы создавать удачное сочетание из полярных по отношению друг к другу эстетических систем⁹, тем самым занимая медиативную позицию. Но это не было механическим заимствованием: Окуджаву порождал уникальный поэтический мир, где классические мотивы звучат по-новому, а фольклорные формы обретают философскую глубину.

Также Р.Ш. Абельская указывает на особенность ритмики барда¹⁰. Музыкальность его стиха определяется ритмом, изначально заточенным под вокальное исполнение, и строгой песенной строфикой. В свою очередь, Л.П. Беленький считает музыкальность главной характеристикой его творчества в

⁶ Окуджаву Б.Ш. Наполним музыкой сердца. Москва: Сов. композитор, 1989. С. 3.

⁷ Окуджаву Б.Ш. Стихотворения. Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2001. С. 493.

⁸ Булат Окуджаву «С души своей наброски...» Интервью 1986 // Московский центр авторской песни. URL: https://www.ksp-msk.ru/page_1041.html (дата обращения: 18.08.2025).

⁹ Абельская Р.Ш. Указ. соч. С. 17.

¹⁰ Там же. С. 19.

целом [8, с. 194]. Сам же Окуджава признавался, что в первую очередь для него значим текст, который позже возможно будет наложить на музыку: «Для меня авторская песня – это прежде всего стихи. Поющий поэт»¹¹. Это признание подтверждается статистикой: за всю свою творческую карьеру он написал более 700 стихотворений – меньше трети из них после стали песнями.

Окуджава воспринимался современниками как романтик, отчасти даже сентименталист. Исполнитель неоднократно подчёркивал свой большой интерес к «золотому» веку русской литературы, в котором он черпал вдохновение¹². М.А. Александрова отмечает, что ностальгия барда по этому периоду была не просто индивидуальным чувством, а скорее коллективной реакцией на сложившиеся социальные и политические обстоятельства позднесоветской эпохи [9, с. 414]. Вопреки сложившемуся общественному мнению, Окуджава рассматривал прошлое многогранно и весьма критически:

Что – царь? Бог с ним. Он дожил до могилы.
Что – раб?.. Бог с ним. Не воин он один.
Царь и холоп – две крайности, мой милый.
Нет ничего опасней середин...¹³.

Несмотря на периодически возникавшую в прессе критику, исполнитель гораздо реже подвергался давлению со стороны властей, что отличало его в этом плане от А.А. Галича и В.С. Высоцкого. Его песни звучали в фильмах, а сборники лирики и проза неоднократно печатались. Но концерты в СССР он давал всё же полулегально – на творческих вечерах, фестивалях, в клубах и ДК, квартирах. По-другому обстояли дела с заграничными гастролями. Так как Окуджава считался «выездным» артистом, чьё выступление могло прославить Советский Союз за рубежом, он несколько раз выступал в восточной и западной Европе, а также в Америке. Причиной тому были его всеобъемлющая попу-

лярность и статус ветерана Великой Отечественной войны.

Творчество Б.Ш. Окуджавы выступало как связующее звено между элитарной и массовой культурами. Он был популярен как в интеллигентских кругах, так и у массового слушателя благодаря внешней простоте, но сложному подтексту. Бард продемонстрировал способность подлинной поэзии преодолевать условные границы, воплощая дуализм между лёгким и мудрым, личным и универсальным, укоренённым в традиции и открытым будущему. Выступив новатором в данном течении, он воодушевил творцов на многие годы вперёд. В.С. Высоцкий часто говорил, что Окуджава является его вдохновителем и духовным наставником.

Булат Окуджава родился в семье с богатой родословной. В его генеалогии встречаются армянские корни от матери, Ашхен Степановны Налбандян, а также грузинские и еврейские со стороны отца, Шалвы Степановича Окуджавы. Достоверно известно, что бард не тяготел к иудаизму как мировоззрению, поскольку оно не было принято в его семье, а информацией о более дальних предках он не владел в полной мере. Но Окуджава, вероятно, не был равнодушен к еврейской культуре. Он несколько раз посещал Израиль, поддерживал связь с советскими евреями, а в стихотворениях критиковал антисемитизм («Под крики толпы угрожающей», «Из Австралии Лева в Москву прилетел») и упоминал различные еврейские атрибуты:

Еврей скрипит на скрипочке
О собственной судьбе,
И я тянусь на цыпочки
И плачу о себе...¹⁴

Тем не менее исполнитель, если не по национальности, то по культурным приоритетам и ценностям, считал себя русским: «Мой отец – грузин, мать – армянка. Родной язык мой русский. И поэтому я всегда с некоторой робостью, но всё-таки причислял себя к русским интеллигентам и к русским

¹¹ Булат Окуджава «С души своей наброски...» Интервью 1986.

¹² Окуджава Б.Ш. «Я никому ничего не навязывал...». Москва: Книжный магазин «Москва», 1997. С. 96.

¹³ Окуджава Б.Ш. Стихотворения. С. 287.

¹⁴ Там же. С. 425.

литераторам»¹⁵. Свидетельств же его причастности к Русской православной церкви нет – при жизни Окуджавы не был крещён, но в детстве посещал церковные служения со своей няней и слышал, как она молится:

Акулина Ивановна, около храма Спасителя
ты меня наставляла, на тоненьких ножках
просителя¹⁶.

По его высказываниям в интервью можно заметить скорее холодное отношение к христианству: «Нет, я атеист, я считаю, что в этом моя вера. И я хочу, чтобы меня за это уважали. Так же, как я уважаю всякого верующего человека»¹⁷.

Его вторая жена, О.В. Окуджавы (Арцимович), действительно была убеждённой христианкой. Её огорчало, что муж, хоть и ценил её взгляды, не желал их принимать. По её словам, все переменилось перед самой смертью барда в Париже в 1997 г., когда он захотел креститься¹⁸. Незадолго до этого она побывала в Псково-Печерском монастыре у архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Священник её уведомил, что при желании Окуджавы она может самостоятельно его окрестить, чем она и воспользовалась в будущем. Сложно судить, было ли это обдуманное решение, учитывая его многочисленные заявления о непоколебимом атеизме и недоверии к священнослужителям и церквям, или попыткой обрести духовную опору на смертном одре. Однако некоторые из поэтических текстов Булата Окуджавы говорят о высокой степени заинтересованности христианской темой.

Отношения с Богом в поэтическом мире Окуджавы не были статичными. Р.Ш. Абельская указывает на постепенную смену тона

обращений к Нему [10, с. 3]. На начальном творческом этапе имел место романтический взгляд, отвергающий авторитеты и устремлённый в познание других духовных материй. Например, в «Песне о московском муравье» 1959 г. ею становится любовь, сотворённая муравьём подобно Богу, создавшему Землю и человека (Быт. 1:27; 2:2):

и муравей создал себе богиню
по образу и духу своему.

И в день седьмой, в какое-то мгновение,
она возникла из ночных огней¹⁹.

Любовь, наравне с Надеждой и Верой, встречается также в «Трёх сёстрах» (1959), где они образуют как будто христианское триединство (Мф. 28:19). А в композиции «Не верю в бога и судьбу», написанной в 1964 г., вовсе отрицается всякая божественная власть и утверждается собственная сверхъестественная миссия:

Не верю в бога и судьбу. Молюсь
прекрасному и высшему
предназначенью своему, на белый свет меня
явившему.
Чванливы черти, дьявол зол, бездарен бог –
ему неможется.
О, были б помыслы чисты, а остальное всё
приложится!²⁰

Перемена произошла быстро – в том же году его жена тяжело заболевает, и у поэта остаётся надежда только на всевышние силы. В «Молитве» он обращается к Богу напрямую, признаёт его силу и просит помощи:

Я знаю: ты всё умеешь,
я верую в мудрость твою²¹.

В данном произведении мы без труда считываем сюжет из Библии. Когда лирический герой просит принять Господа его раскаяние, он ссылается на Каина, который отказался исповедать грехи в отношении брата Авеля и вернуть себе Божью милость (Быт.

¹⁵ Булат Окуджавы: Найти себя // Студенческий меридиан – журнал для честолюбцев. URL: <http://www.stm.ru/archive/1594/> (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁶ Окуджавы Б.Ш. Стихотворения... С. 450.

¹⁷ ...А Арбата больше нет – Огонёк № 30 (4513) от 03.08.1997 // Коммерсантъ: последние новости России и мира. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2285255> (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁸ Булат – Иоанн – Окуджавы // Правмир. URL: <https://www.pravmir.ru/bulat-ioann-okudzhava/> (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁹ Окуджавы Б.Ш. Стихотворения. С. 183.

²⁰ Там же. С. 248-249.

²¹ Там же. С. 240.

4:9). Под грехом героя, вероятно, подразумевается раннее безверие и недоверие. Следует заметить, что те же ветхозаветные персонажи дополнительно фигурируют в стихотворении «Времена» об изменении подхода матерей к воспитанию детей, но не придают ему сюжетообразующую значимость.

Иногда признание божественного могущества может скрываться в подтексте. Сюжет песни «Одна морковь с заброшенного огорода» сильно напоминает об одном из чудес Христа, когда Иисус малым количеством хлеба и рыбы насытил несколько тысяч следующих за ним человек (Мф. 14:13-21). Так и у Окуджавы одна морковь, посланная природой, была способна прокормить целую роту:

Шла война, и кровь текла рекою.
В грозной битве рота полегла.
О природа, ты ж одной морковью
Словно мать насытить нас смогла!²²

Влияние Иисуса присутствует и в стихотворении «Мой отец», где Окуджава вспоминает о своём расстрелянном родителе и заповеди Христа «Не убий» (Мф 19:18), которой послушались издавшие и выполнившие приказ. Однако в «Прощании с осенью» герой, погрузившись в осеннюю меланхолию, заявляет, что больше не держит зла на врагов, как и призывал Сын Божий (Мф. 6:14-15)

Прощаю всех, что не были убиты
тогда, перед лицом грехов своих²³.

При описании смерти невозможно обойтись без библейских реминисценций. В тех же «Трёх сёстрах» герою представляется, что перед вечным успокоением к нему приходит та троица в виде кредиторов, чтобы выдать ему последний кредит. Полна рассуждениями о смертности человека песня «Почему мы исчезаем...», насыщенная практически буквальным цитированием Книги Екклесиаста. Герой, как и Царь Соломон, задумывается о тщетности бытия (Еккл. 1:2-11) и о круговороте человеческого тела и души, данной Богом и возвращённой к нему (Еккл. 12:7):

Почему мы исчезаем,
превращаясь в дым и пепел,
в глинозём, в солончаки,
в дух, что так неосязаем,
в прах, что выглядит нелепым, –
нытики и остряки?²⁴

Не остаются без внимания образы посмертия в сочинениях барда. Как и принято в общих христианских представлениях, поэт уверен в существовании загробной жизни, в которой существует рай. Он убеждён, что попадёт именно туда, а его труды будут жить сами по себе («Карандаш желает истину...»), и что там будут пощёчины за выраженную к людям любовь («Мгновенно слово. Короток век...»), но не за земные ошибки («Рай»). В песне «Умереть тоже надо уметь», в отличие от прошлых, взгляд на иной мир не так оптимистичен. Герой опасается идти «на свидание к небесам», поскольку сомневается в благополучии тех мест:

И о чем толковать?
Вечный спор
ни Христос не решил, ни Иуда...
Если там благодать,
что ж никто до сих пор
не вернулся с известьем оттуда?²⁵

По его мнению, прощает грехи не Бог, а люди, против которых они были совершены. При этом Господу нужно отдать последнее, что у тебя осталось – свою жизнь.

Таким образом, Б.Ш. Окуджава прибегал к использованию библейских аллюзий больше как к философскому источнику. Наблюдается связь биографического поэта с лирическим героем его художественных текстов. Окуджава, как в жизни, так и в стихах, находился в вечном поиске духовной опоры. Этот поиск в числе прочего включал в себя апелляцию к христианской морали, с которой он был знаком с самого детства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Б.Ш. Окуджава, не придерживавшийся при жизни ни одной из конфессий, на протя-

²² Окуджава Б.Ш. Стихотворения. С. 279.

²³ Там же. С. 277.

²⁴ Там же. С. 414.

²⁵ Там же. С. 296.

жении всего творческого пути демонстрировал сложную динамику своего отношения к религиозной тематике в условиях идеологического атеизма советской эпохи. Заняв поначалу агностическую или даже атеистическую позицию, он впоследствии вступил в образный и аллюзивный диалог с христианскими текстами и категориями. Тематическая насыщенность его поздней лирики мотивами прощения, молитвы и загробной жизни позволяет выдвинуть религиозную философию гуманизма в качестве основополагающего постулата его поэтики.

Новизна исследования состоит в предложении иного подхода к изучению художественных творений Б.Ш. Окуджавы. Теоретическая значимость исследования заключается в расширении научного понимания ре-

лигиозного дискурса в стихотворно-песенном творчестве в условиях официального атеизма, а практическая – в возможности применения результатов исследования в практике преподавания русской литературы в высших учебных заведениях, в том числе религиозного типа.

Имеющаяся на данном этапе научно-литературная база грандиозного масштаба позволяет сделать исключительно позитивные прогнозы о дальнейших перспективах исследования. Данная статья открывает альтернативные горизонты, приводит к результатам, применительным в изысканиях по схожим тематикам для последующей интерпретации религиозного начала в советской литературе второй половины XX века.

Список источников

1. Апанасенок А.В. Религиозность советской молодёжи в зеркале отечественного обществоведения 1920–1970-х годов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. № 14 (2). С. 148-159. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-148-159>, <https://elibrary.ru/rhtwhd>
2. Цыплаков Д.А., Цыплакова С.М. Религия и советская интеллигенция: культура и постсекулярность // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2020. № 72. С. 78-86. <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2020-22-72-76-84>, <https://elibrary.ru/xnnmag>
3. Тимиргазиева А.И. Государственно-религиозные отношения в советский период // Дискуссия. 2014. № 2 (43). С. 120-126. <https://elibrary.ru/rwpjhh>
4. Курдюков В.А. Секуляризация и атеизация в Советском Союзе в 60-е и 80-е гг. XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. № 1. С. 142-152. <https://elibrary.ru/vrvgnl>
5. Сухов А.Д. Марксистская трактовка религии // Философия и общество. 2014. № 3. С. 49-66. <https://elibrary.ru/syubtr>
6. Ligęza P. Ironia w twórczości poetyckiej Bułata Okudźawy // Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. 2018. № 11. S. 53-65. <https://doi.org/10.24917/16899911.11.5>
7. Бутаева З.А. Арбат как центральный хронотоп в поэтической системе Б. Окуджавы // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 302-305. <https://elibrary.ru/nchrwd>
8. Бельский Л.П. Авторская песня как феномен устной песенной культуры // Межкультурное взаимодействие в современном музыкально-образовательном пространстве. 2015. № 13. С. 191-196. <https://elibrary.ru/zbfkmb>
9. Александрова М.А. Ностальгия по «Золотому веку» как фактор литературной репутации Булата Окуджавы // Окуджавы, Высоцкий, Галич...: научный альманах: в 2 кн. / сост. А.Е. Крылов, С.В. Свиридов. Москва: Лирика, 2021. Кн. 2. С. 403-424.
10. Абельская Р.Ш. О некоторых библейских образах в поэзии Б. Окуджавы // Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы X Всерос. науч. конф.: в 3 т. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, 2012. Т. 2. С. 3-11. <https://elar.urfu.ru/handle/10995/20374>

References

1. Apanasenok A.V. The religiosity of Soviet youth in the mirror of domestic social studies of the 1920–1970s. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the*

- Southwest State University. Series: History and Law, 2024, no. 14 (2), pp. 148-159. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-148-159>, <https://elibrary.ru/rhtwhd>
2. Tsyplakov D.A., Tsyplakova S.M. Religion and the Soviet intelligentsia: culture and post-secularism. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk = Izvestiya of the Samara Russian Academy of Sciences Scientific Center*, 2020, no. 72, pp. 78-86. (In Russ.) <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2020-22-72-76-84>, <https://elibrary.ru/xnnmag>
 3. Timirgazieva A.I. State and religious relations in Soviet period. *Diskussiya = Discussion*, 2014, no. 2 (43), pp. 120-126. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rwpjhh>
 4. Kurilov V.A. Secularization and atheization in the Soviet Union in the 1960s–1980s. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal*, 2016, no. 1, pp. 142-152. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vrvgnl>
 5. Sukhov A.D. Marxist treatment of religion. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*, 2014, no. 3, pp. 49-66. (In Russ.) <https://elibrary.ru/syubtr>
 6. Lięęza P. Ironia w twórczości poetyckiej Bułata Okudżawy. *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis*, 2018, no. 11, p. 53-65. (In Polish) <https://doi.org/10.24917/16899911.11.5>
 7. Butaeva Z.A. Arbat as the central chronotop in B. Okudzhavy's poetic system. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2010, no. 4, p. 302-305. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nchrwd>
 8. Belen'kii L.P. The author's song as a phenomenon of oral song culture. *Mezhkul'turnoe vzaimodeistvie v sovremennom muzykal'no-obrazovatel'nom prostranstve = Intercultural Interaction in the Modern Musical and Educational Space*, 2015, no. 13, pp. 191-196. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zbfkmb>
 9. Aleksandrova M.A. Nostalgia for the "Golden Age" as a factor of Bulat Okudzhava's literary reputation. In: *Okudzhava, Vysotsky, Galich...: in 2 bks.* Moscow, Librika Publ., 2021, bk. 2, pp. 403-424. (In Russ.)
 10. Abel'skaya R.Sh. About some biblical images in B. Okudzhava's poetry. *Materialy 10 Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Russkaya literatura: natsional'noe razvitie i regional'nye osobennosti»: in 3 vol. = Proceedings of the 10th All-Russian Scientific Conference "Russian Literature: National Development and Regional Peculiarities": in 3 vol.* Yekaterinburg, Gorky Ural State University, 2012, vol. 2, pp. 3-11. <https://elar.urfu.ru/handle/10995/20374>

Информация об авторах

БЛАГОДАРОВ Владислав Игоревич, магистр филологии, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, SPIN-код: 9904-1306, РИНЦ AuthorID: 1317893, <https://orcid.org/0009-0008-6248-2849>, blagodarov.vla-dislav@gmail.com

СОРОКИНА Наталия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, SPIN-код: 6691-9844, РИНЦ AuthorID: 618760, <https://orcid.org/0000-0002-4449-938X>, sorok_tam@rambler.ru

Для контактов:

Благодаров Владислав Игоревич
e-mail: blagodarov.vla-dislav@gmail.com

Поступила в редакцию 14.10.2025
Поступила после рецензирования 09.11.2025
Принята к публикации 19.11.2025

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Vladislav I. Blagodarov, Master's Degree in Philology, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, SPIN-code: 9904-1306, RSCI AuthorID: 1317893, <https://orcid.org/0009-0008-6248-2849>, blagodarov.vladislav@gmail.com

Nataliya V. Sorokina, Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of Russian Language, Russian and Foreign Literature Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, SPIN-code: 6691-9844, RSCI AuthorID: 618760, <https://orcid.org/0000-0002-4449-938X>, sorok_tam@rambler.ru

Corresponding author:

Vladislav I. Blagodarov
e-mail: blagodarov.vla-dislav@gmail.com

Received 14.10.2025
Revised 09.11.2025
Accepted 19.11.2025

The authors have read and approved the final manuscript.